14 МАР 1980
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. МОСКВА

Телевизионный мир Ильинского

Как много сделано Ильинским на телевидении в 70-е годы! Здесь и театр одного актера, и фильмы-спектакли, и особый, специфически телевизионный жанр, где разговор об искусстве и художнике не менее важен, чем показ самого искусства. Таковы телефильмы «Ильинский о Зощенко», «Ильинский о Маршаке», а также передачи о «Ревизоре» и о стихах Маяковского, сделанные на учебной программе ТВ.

Сначала артист как будто колебался между строгой манерой литературного театра («Старосветские помещики» Гоголя) и виртуозной театрализацией, где техника телевидения позволила ему представить в одном фильме 24 чеховских персонажа («Эти разные, разные, разные лица...»). Ильинский предпочел первое — это и более телевизионно, и больше соответствует нынешнему направлению артиста.

«Душечка» — телевизионный шедевр Ильинского — исполняется им без всякой театрализации, реквизита, без каких-либо ухищрений телекамеры или монтажа. Артист находится один на один со зрителем, тон его почти ровен, мимика сдержанна и проста. И — в этом чудо ТВ — мы почти физически ощущаем подтекст негромкого, доверительного рассказа. Артист меняет наши устоявшиеся представления о классике, углубляет их, вскрывает мощные ресурсы человечности в прозе.

В исполнении рассказов Зощенко у Ильинского поражают серьезный, немного грустный комизм и понимание души героя, как бы ни был он мал и смешон. Легко и остро намечены нрав, повадки, социальный портрет героев «Аристократки» или «Бани», и вместе с тем каждый из них не карикатура, не маска, но человек. Рядом — детские рассказы Зощенко, прочитанные с теплым юмором и тонким знанием детства. И убеждаешься с радостным удивлением в том, какой же это многогранный писатель.

Слушая воспоминания Ильинского, мы словно видим и «озорного, легкого, юмористичного» Маяковского, и мудрого Маршака, и душевно тонкого Зощенко, столь далекого от расхожих представлений о нем. Ильинский рассказывает о личных встречах и впечатлениях, не философствуя и не поучая, но всякий раз писатель, о котором он говорит, получается живее и интереснее, чем думали мы до сих пор.

Разгадывая секрет абсолютного доверия, которое вызывает Ильинский на телеэкране, думаешь о его редкостной, полной правдивости и об особой дистанции уважения, которая устанавливается между ним и зрителем. У артиста нет ни фамильярности, этакой телевизионной небрежно-свойской манеры, ни снисходительности крупного мастера, который словно дарит себя. Он прост и значителен, полон непоказного достоинства и говорит с нами на равных, веря, что его поймут. Это сохраняется и в учебных передачах, где Ильинский так спокойно и ясно рассказывает школьникам о сложном. И пьеса, слишком уже знакомая и привычная, становится в чем-то неожиданной и оживает.

Так артист обогащает и наше знание литературы, и само ТВ, давая высокий и трудный пример культуры, редкого «чувства автора» и того, что сам он однажды назвал «выразительной скупостью» средств.

Т. ШАХ-АЗИЗОВА.

Фото А. Ягудаева.